

Подлинно русская архитектура в исторических образцах еще себя не проявила и ждет своего проявления в будущем. Она дана в истории лишь как пробуждение, не облекшееся в собственные формы. Возможно, специфика русской архитектуры может быть увидена посредством русской словесности. Новые линии развития и языка, и архитектуры в дальнейшем будут тесно связаны с реформой процессов урбанизации и расселения.

Ключевые слова: специфика русской архитектуры; национальная форма; национальный стиль; язык; культура. /

Authentic Russian architecture has not yet manifested itself in historical specimens. It is waiting to do it in the future. It is given in history only as an awakening, which has not taken on its own forms. The specificity of Russian architecture may be seen through Russian literature. Later on, the new lines of development in both language and architecture will be closely linked to the reform of urbanization and settlement processes.

Keywords: specificity of Russian architecture; national form; national style; language; culture.

Заметки о русской архитектуре / Notes on Russian architecture

текст

Александр Раппапорт
Союз московских архитекторов; Союз дизайнеров России /

text

Alexander Rappaport
Union of Moscow Architects; Union of Designers of Russia

О новом повороте

Новый поворот для меня состоял в том, что я предложил самому себе взглянуть на теорию архитектуры, которой я занимаюсь, и на саму архитектуру с более широкой культурно-исторической точки зрения. Это намерение было вызвано осознанием того, что все, что я делал в последние годы, а может быть и всю жизнь, сознательно, а скорее всего бессознательно, программировалось моей культурной ситуацией. Иными словами, тем, что я воспитывался и работал, думал и развивался в сфере русской культуры и русского языка, а прочие области культуры нашей планеты едва ли имели для меня сравнимое с русской культурой и языком значение.

Я выдвинул несколько частных задач. Например, попытался понять, что же значит архитектура в русском культурном регионе уже не только для профессионала, но и для других социально-культурных групп, тем самым проведя своего рода границы внутри культуры и выделяя в ней области, в которых архитектура принимала бы специфический вид и смысл. Все это я и теперь считаю действительно новым поворотом. Но поставив такие задачи, я не преуспел в их достижении и решении. Они оказались слишком грандиозными.

Школа наследия выступает как особая часть профессиональной и национальной культуры, и социальной, если можно так сказать, – интеллигентской культуры. В МГУ – на конференциях, посвященной мировой культуре и теме «Вода и камень», – эта же проблематика высветила другой ракурс той же национальной культуры.

В двух словах: теперь я яснее себе представляю, что архитектура в русской культуре, не будучи чем-то отсталым и вторичным на самом деле, в сильнейшей мере связана с европейской традицией и опытом и некоторые моменты в ее обращении к национальной самобытности играют здесь роль вставных новелл – таковы были ропетовская архитектура XIX века или движения, аналогичные группе Мокеева – Кудрявцева и ряда других архитекторов с их реставрационными идеалами возвращения в русское Средневековье. После 2014 года эти настроения в каком-то смысле усилились, в каком-то несколько изменились.

Архитектура как таковая тут роли не играла, но архитекторы в этом процессе все же разделялись по принципу «традиция или модернизм». Парадоксального в этом ничего не было, парадокс я усматривал в другом, а именно в том, что вся современная российская архитектура смотрит на Запад и США и подражает скорее Колхасу, чем Ропету.

События вокруг питерского «Охта-центра» продемонстрировали странный и парадоксальный патриотизм питерской интеллигенции и общественности, всегда бывшей максимально прозападной, против газпромского небоскреба, который уже казался американским туристом на питерской земле. Столкнулись две культуры – культура западного просвещенного российского самосознания интеллигенции и олигархической верхушки, ориентирующейся на культ денег и власть бюрократии. Если же не принимать во внимание архитектурные вкусы нынешней олигархии, то можно было бы подумать, что она и в самом деле настроена против США и ее голос вливается в общий хор глумления над «пиндосами» как недочеловеками.

Отечественная культура в архитектуре полностью подстраивается под США и на практике (см. Москва-Сити), и в теории (работы по теории архитектуры в основном повторяют мысли американской архитектурной элиты 90-х годов). Все эти феномены не новы, и российская установка на свое мировое величие восходит к идее Москвы как Третьего Рима, поддержанной и Петром с его Петербургом. Хотя тут эта линия совершила показательную бифуркацию, и противопоставление Питера Москве означает как стремление Российской империи к Мировому океану, так и отказ от золотоордынского прошлого, в котором Москва играла и роль вассала, и роль инсургента.

Русская культура в этой геополитике и архитектуре имела прозападную ориентацию, но при всех своих достижениях ей так и не удалось стать в авангарде архитектурной мысли Западного мира. Наиболее интенсивной попыткой к такому лидерству был советский авангард в архитектуре 20-х годов, но он был столь быстро купирован партийной бюрократией, что остался как некая сказочная легенда.

Удивительно то, что сам по себе русский авангард начала XX века развивался под знаменами революции, а революция эта, будучи явлением как бы российским, шла под знаменами западной философии и политики социалистического и коммунистического движения, в частности – марксизма.

Сталинизм, как мировая империя, продолжал традиции Рима и в архитектуре, и в политике. С этой точки зрения все дороги ведут теперь в Москву, и начинается Земля, как известно, от Кремля. Москва – Третий Рим несла городу и миру коммунистические идеалы и партийную власть. Поэтому обращение Сталина к римской классике логике имперского величия России не противоречит. Но для самой России и для СССР тут была некая недодуманная ретроспектива, и вопрос о национальной форме при социалистическом содержании так и не получил ответа, почему национальная форма Москвы ближе к Риму, чем национальная форма Баку.

Перспектива коммунистического интернационала как колонизации мира коммунистическим опытом Москвы имела, однако, опыт внутренней колонизации, в которой архитектурный классицизм тоже как-то просматривался, но уже такой огромной роли не играл. В СССР продолжалась колонизация одной шестой части суши с перенесенным успехом на почве другой культурной силы – идеологии и... языка. Русский язык можно по праву считать могучим культурным феноменом, подчинившим себе и всю многонациональную Россию, и СССР.

Здесь возникают интереснейшие вопросы о роли русского языка, его истории, самобытности и исторической судьбы. Теснейшая связь России с православной греческой традицией не превратила русский язык в диалект древнегреческого или латыни. И Золотая орда не привела к языковому униформизму: русский язык остался автономным. Не произошла и скандинавская реформа русского языка или архитектуры. Дворянская тяга к французскому не изменила русского языка. И не было при всей любви славянофилов к немецкой философии никакой принципиальной германизации русской речи.

Русский язык каким-то чудом совершил гигантский по историческим меркам скачок и развился в уникальный по силе культурный феномен, оставаясь верным собственным языковым основам. Одним словом, русский язык и как автономный язык русского народа, и как язык Российской – московско-петербургской – империи формировался и наконец сделался действительно уникальным культурным феноменом.

При этом мы не можем не видеть нескольких существенных особенностей или аномалий. Русский язык формировался в литературе и поэзии и успешно произвел рецепцию всех философских и филологических богатств мира, но своей философии так и не создал. Русский язык и вся современная русская культура явным образом произведены городом, а не деревней. Стало быть, именно урбанизация в России и была мотором языкового творчества и остается таковым вопреки множеству частных экскурсов языка и поэтов в деревенскую предысторию (Хлебников). Основной ствол русской литературы шел самостоятельно, впитывая богатства европейской культуры (Пушкин, Мандельштам).

Построенная на русском языке русская культура так и не создала свой тип города и своей автономной архитектурной традиции. Частным следствием этого исторического парадокса остается то, что и сегодня лидирующую роль в самопознании русской культуры и влиянии на мировую культуру сохраняет язык, его литература и поэзия. В том числе и филология – чему свидетельство сам Институт мировой культуры МГУ.

Имена Толстого, Достоевского, Чехова. Мандельштама и Бродского значат для мировой культуры больше,

чем имена русских архитекторов, пусть даже и признанных, – Иофана, Леонидова, Мельникова, Баженова, Казакова и пр. Языковое превосходство в России над всеми видами искусств (быть может, лишь балет тут имеет какое то исключительное положение) объясняет и успех постсоветского концептуализма в живописи, и высочайший уровень переводов как с европейских, так и с восточных языков.

Что касается архитектуры, то в ней вербальный авторитет мышления остается сложнейшей проблемой, с которой нам еще только предстоит по-настоящему иметь дело. На сегодня вербальная сторона архитектурной мысли, как бы слабо она сама ни была развита, парализует пластические и визуальные инициативы.

Вторая проблема – город. Будучи страной интенсивной урбанизации, Россия и ее города оказали свое культурное воздействие преимущественно лишь на язык, в политике же и в архитектуре влияние города осталось почти не замеченным. При этом это влияние в основном оказывали лишь Москва и Петербург.

Вербальная односторонность России едва ли связана с книгопечатанием, принесенным с Запада. Или церковным ритуалом, сохраняющим до сего дня архаические языковые черты и не склонным к модернизации. Особый статус языка в русской культуре подчеркивается и движением имяславцев, прежде всего Флоренского и Лосева.

Тем не менее складывается впечатление, что влияние русского языка на страны Запада и Востока весьма незначительное и что экспансия русской культуры в сфере языка едва ли открывает перспективы, сопоставимые по масштабу с теми достижениями, которые язык осуществил на своей территории. Тут опять-таки сказывается то, что при уникальной способности впитывать и осваивать мировую мысль русский язык до сих пор не создал такие языковые структуры, которые подчинили бы себе мировую мысль.

Трудно говорить о том, в какой степени доминирование языка в русской культуре сказалось на науках, технике, изобразительных искусствах или спортивных достижениях. Последние, вне сомнения, имеют место. Но связаны ли они с русским языком, не ясно.

В наши дни, в начале XXI века, видимо, начинается новый поворот в соотношении естественно-научной и математической культур, техники и гуманитарной науки и культуры. В какой степени этот поворот, затрагивающий все страны и все языковые ареалы, будет иметь черты, обусловленные ролью и совершенством национальных языков в прошлом, я не могу судить. Не исключено, что в этой сфере в связи с возникновением глобальной коммуникационной системы произойдут какие-то не менее существенные сдвиги и изменения.

Однако мне кажется вполне возможным, что само понятие культуры, уходящее своими корнями в сельскую культуру и пахотную практику, в современном мире уже перешло в новую сферу городского образа жизни и культура сегодня имеет неустрашимый городской смысл.

Если это так, то новые линии развития и языка, и архитектуры будут в дальнейшем тесно связаны с реформой процессов урбанизации и расселения, которые так или иначе приведут к новой экологической этике и, возможно, новым культовым практикам, в сфере которых и языки, и архитектура получат новые возможности развития.

Произошедший во второй половине XX века поворот архитектуры к языку и семиотике дал, насколько я могу судить, пока что незначительные результаты и способствовал развитию дизайна в большей степени, чем архитектуры. Но этот этап уже позади. Новые отношения языка и архитектуры, в которые войдет и визуальный

> Охта-центр

опыт человечества, могут дать совершенно непредвидимые возможности для реконструкции этих областей культуры, т. е. к изменению и языков, и архитектуры. Поэтому внимание к их точкам взаимодействия сохранит свой интеллектуальный смысл и приоритет.

25 апреля 2015 года

Русская архитектура

То, что мне ближе всего, понятнее и дороже русская архитектура, можно объяснить просто тем, что я родился и вырос в России и видел в основном русскую архитектуру, которую полюбил с детства в Санкт-Петербурге. Быть может, архитектура Санкт-Петербурга в этом отношении нехарактерна – вопрос спорный.

Да, огромное количество зданий в городе построено итальянцами, немцами, французами и англичанами, но создается впечатление, что в Санкт-Петербурге они достигали каких-то новых и несравненных вершин и высот, превосходя то, что делали или могли бы сделать на родине. Причину такого успеха я вижу прежде всего в необычайных преимуществах неевского ландшафта и широте императорских замыслов. Можно ли эти два обстоятельства относить к собственно русской архитектуре, не знаю.

Понятие «русская» в данном случае звучит естественнее, чем российская, так как в российском есть слишком много от разнообразия имперских возможностей. К русскому языку архитектура тоже явно не относится, так что тут возникает смысловое зияние, и вместе с тем за ним чувствуется что-то субстанциональное.

Исторически архитектура на Руси начинается от византийского влияния и христианства. Языческие корни русской архитектуры мне неизвестны. Равно как и нордические, хотя они возможны в области деревянного зодчества. Деревянная архитектура, безусловно, достигла на Руси высот, но все наше архитектурное образование настолько проникнуто геологическими субстанциями камня, что дерево остается архитектурным факультативом.

Влияние равнинного российского ландшафта на становление архитектурного начала безусловно, равно как и северного неба с его особой облачностью, не по-

хожей на метеорологию других стран. Достаточно сравнить русскую архитектуру с христианской архитектурой Кавказа, чтобы почувствовать это влияние ландшафта и неба, отличного от горного Кавказа.

Попытки выявить автохтонные начала русского зодчества, отличающие его от византийского и западноевропейского влияния, мне неизвестны. Равно мне не приходилось читать о зависимости русской архитектуры от влияния Золотой Орды ни в градостроительстве, ни в архитектуре, хотя тут должны были бы быть явные черты сходства. Все это склоняет меня к мысли о том, что подлинно русская архитектура в исторических образцах еще себя не проявила, она дана в истории лишь как пробуждение, не облекшееся в собственные формы, и позволяет мне надеяться, что таковая архитектура еще ждет своего исторического появления в будущем.

Я не склонен видеть признаки такого пробуждения в российском авангарде XX века и полагаю, что это явление, многими охотно принимаемое как раз за первый независимый выход русской архитектуры на поверхность мировой культуры, пока не состоялось. Я не вижу убедительных черт русской архитектуры ни в Мельникове, ни в Леонидове. Быть может, я ошибаюсь, но моя интуиция говорит, что русская архитектура, как и русская антропология, еще впереди. И не в космизме, с которым ее не раз пытались скрестить, а как раз в земном, теллурическом чувстве планетарной природы.

Мне кажется, что русская архитектура живет еще в русской словесности – поэзии и прозе, т. е. в искусстве недавно рожденного языка, которому еще хочется субстанционального воплощения, материализации в камне. И хотя Гоголь говорит, что русские любят быструю езду, я вижу будущее русской архитектуры в стремлении к покою. Ибо, как ни парадоксально, только покой выражает с максимальной ясностью ценность свободы. Для архитектуры же свобода становится свойством памяти, неотличимой от надежды.

26 января 2016 года

Как понимать русскую архитектуру

В основании теории социалистического реализма, созданной под неусыпным вниманием И. В. Сталина, го-

< Москва-Сити

ворилось, что социалистический реализм – это искусство социалистическое по содержанию и национальное по форме. Здесь что ни слово, то проблема. Что значит слова «социалистическое по содержанию».

Можно понимать так, что живопись, кино и литература будут описывать жизнь в СССР и строительство социализма. Но поскольку в социалистическом искусстве есть и исторический жанр, то это значит, что исторические события будут описаны с точки зрения человека, исповедующего веру в социалистические идеалы. Это уже нечто иное. Наконец, что значит «национальное по форме»? Значит ли это, что пейзаж, который пишет русский художник, будет отличаться какими-то формальными особенностями от того же пейзажа, который будет писать таджикский художник? Или если русский художник будет писать таджикский пейзаж, то должен ли его рисунок и живопись продолжать сохранять русские формы, хотя пейзаж останется реалистическим воспроизведением ландшафта Таджикистана.

Как эти вопросы разрешаются в условиях именно социалистического содержания? Можно ли предположить, что национальные формы искусство имело и до социализма, что, например, немецкие художники имели свой формальный стиль, отличавшийся от итальянского, хотя не было при этом социалистическим, и можно ли считать, что оно было капиталистическим, феодальным или рабовладельческим? Эти вопросы приобретают особую непонятность при применении к архитектуре.

Когда русские палладианцы исходили из принципов Палладио и подражали Палладио до революции, это было одно, а после революции подражание Палладио (освоение наследия) должно было значить уже нечто иное, а именно: содержать в самом подражании итальянцу русские черты.

Как можно увидеть эти черты?

Если специфические русские черты в архитектуре возникают автоматически, просто по связи с языком и происхождением художника, – это одно, хотя и очень спорное предположение. Если же русские архитекторы должны воспроизводить нечто специфическое «русское», выработанное в архитектуре до социалистического периода, – это другое.

Тут мы сталкиваемся с огромной и вечно живой проблемой специфики русской архитектуры как таковой – еще до социалистической революции. Известно, что огромное влияние на развитие русской архитектуры оказала Византия и византийская архитектура. После Петра русская архитектура строилась частично немцами, итальянцами, французами и русскими, испытывавшими влияние иностранных мастеров и теорий итальянской, французской и немецкой архитектуры.

В советской архитектуре теоретики и историки находили применение принципов национальной формы в основном в архитектуре имперских окраин – в Грузии, Таджикистане, Азербайджане, как правило в орнаментальных мотивах. Но в Петербурге, Москве, Воронеже, Самаре и прочих городах присутствие русской формы заметить было трудно, или под русской формой понималось влияние петербургской и московской архитектуры XVIII–XIX веков.

Мысль о призрачности русской архитектуры, ее тесной зависимости от архитектуры западноевропейских стран не могла возникнуть и обособиться в атмосфере патристической уверенности в самобытности всего русского, в том числе и архитектуры. Только сейчас, когда в российских столицах прямо строят американские и западные архитекторы, создавая ансамбли вроде «Москва-Сити», мы начинаем понимать, что не все, что построено на русской земле, уже самим фактом присутствия на ней становится именно русским.

И как только эта немудреная сама по себе мысль коснется нашего критического, исторического и теоретического разума, вся эта столетняя проблематика вновь оживет и предъявит себя набором проблем, еще не тронутых серьезным анализом. Ибо именно сейчас само понятие национального стиля, национальной формы и т. п. настолько ослабло и потускнело, что употреблять эти слова в своего рода автоматической заливчатской риторике Г. Недошивина становится невозможным.

Здесь мы оказываемся перед новым поворотом к языку и риторике, уже свободной от иезуитской идеологизации в духе соцреализма и вынужденной назвать вещи своими именами.

28 марта 2016 года